

РОЛЬ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ КОГНИТИВНОЙ МЕТАФОРЫ В ФОРМИРОВАНИИ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ КОНЦЕПТОВ¹

К. К. Стебунова

*Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет*

*e-mail:
stebunova@bsu.edu.ru*

Предпринимается попытка анализа идиоматических ресурсов художественного текста через призму когнитивной метафоры – речемыслительной базы фразеологизма. Структура художественных концептов рассматривается как результат развёртывания фразеологической когнитивной метафоры в дискурсивном пространстве. Отмечаются особенности фразеологической когнитивной метафоры в переводном тексте.

Ключевые слова: фразеология, фразеологическая когнитивная метафора, художественный концепт.

Метафоризация – неотъемлемая часть познавательной деятельности любого человека, как рядового носителя той или иной культуры, так и творчески одарённой языковой личности, какой является автор художественного произведения. Метафора – универсальный логический инструмент познания, на который обратил внимание ещё Аристотель: универсальность его проявляется в единой и характерной для всех индивидов процедуре сравнения. Что касается речевого произведения любого типа, метафора как знак вторичной номинации функционирует как средство художественной выразительности, обладающее огромным текстообразующим, стилеобразующим и эмоционально-экспрессивным потенциалом: «знаки вторичной и косвенно-производной номинации генерируют в себе особенно высокое поэтическое напряжение, источниками которого служат их социально-историческая обусловленность и денотативная образность» [1, с. 163]. В центре нашего внимания – фразеологическая когнитивная метафора (ФКМ).

Под текстообразующей функцией метафоры мы будем понимать её способность посредством развёртывания ассоциативно-образных связей выражать авторский замысел, тем самым реализуя такие основополагающие признаки текста, как цельность и связность. Метафора может реализовываться на протяжении целого текста либо же в рамках какого-либо его фрагмента. Так, например, знаковым в поэме «Мёртвые души» является финальный отрывок: *«Не так ли и ты, Русь, что бойкая необгонимая тройка, несешься? ...Эх, кони, кони, что за кони! Вихри ли сидят в ваших гривах? ... Русь, куда ж несешься ты, дай ответ? Не дает ответа. Чудным звоном заливаются колокольчик; гремит и становится ветром разорванный в куски воздух; летит мимо всё, что ни есть на земле, и, косясь, постораниваются и дают ей дорогу другие народы и государства»* [7, с. 647]. Автором детально развёртывается КМ РУСЬ – ТРОЙКА: страна, движущаяся навстречу своему будущему, образно уподобляется Гоголем тройке лошадей, несущихся по дороге, ничего не замечая вокруг. В тексте зафиксированы ключевые слова, формирующие область-источник КМ: **кони, грива, колокольчик, медные груди, чуткое ухо, вихри, вытянутые линии, летящие по воздуху.**

В словесном творчестве, равно как и в процессе перевода, возникает проблема индивидуального авторства: «автор индивидуализирован в сознании читателя, поскольку он создаёт индивидуальный стиль» [15, с. 8]. Автор художественного текста, будучи нестандартной языковой личностью, обладает достаточно богатой языковой компетенцией, формирующей в его сознании оригинальную языковую картину мира. Его лингвокреативным мышлением создаются высокохудожественные образы, одновременно успешно ведётся поиск новых, индивидуально-авторских средств для их выражения. В. В. Виноградов указывает, что эпоха Гоголя в языковом плане отличалась необыкновенной сложностью, неоднородностью, борьбой стилей, способов языкового выражения, становления норм, в центре стояли проблемы обновления языка за счёт устно-разговорной речи, просторечия, ограничения в использовании церковнославянизмов, влияния других европейских языков на стилистику русского языка [6, с. 272]. В языке Н. В. Гоголя переплелись канцелярские выражения – «должностное» просторечие

¹ Опубликовано в рамках выполнения проекта ВКГИ 007-2012 по внутривузовскому конкурсу грантов «Инициатива» в НИУ «БелГУ» в 2012 г.

[6, с. 280], провинциальное фамильярно-бытовое просторечие, бытовая речь горожан и чиновничества, пародийный «благородный» язык. Ср.: *Я облегчила себе нос и я обошлась посредством платка* [7, с. 594]. Языковая личность писателя, таким образом, совмещает в себе знание стилистически языковых средств и виртуозное владение риторическими приёмами (целенаправленное употребление языка, отбор единиц, необходимых для достижения нужного коммуникативного и эстетического эффекта) и психологические аспекты личности – сознание и мышление.

В сознании отражается перцептивный и языковой опыт человека. В нём кодируются «практические, житейские знания, составляющие жизненный опыт человека» [1, с. 243]. Автор облакает их в языковую форму согласно собственным интенциям и установкам. Исходя из этого, можно утверждать, что существуют художественные концепты, формирующие дискурсивное пространство художественной картины мира, степень индивидуальности которых градуируется от авторских ключевых смыслов, заложенных в тексте (а индивидуальны они потому, что речь идёт об авторе как о конкретной языковой личности), до уникальных концептов. Последние создаются в рамках текста конкретного произведения и ассоциируются у всего языкового сообщества с данным текстом, в силу чего получили название прецедентных.

С позиций когнитивного подхода при анализе идиоматических средств языка так или иначе приходится обращаться к метафоре и метонимии, поскольку исследование значения фразеологических единиц начинается с реконструкции прототипической ситуации, легшей в основу образования ФЕ, и определения направления переноса. Фразеологический образ, возникший в результате метафоризации прототипической ситуации, структурирует значение ФЕ. Так, М. В. Никитин к числу когнитивных метафор причисляет те, которые выступают как средство категоризации реальности на основе сравнения и аналогии объективных признаков, присущих познаваемому объекту, не зависящих от наблюдателя (онтологическая разновидность) или зависящих от него (синестетическая разновидность), вынося за пределы когнитивной метафоры метафору эмотивную [12, с. 206]. При этом необходимо учитывать, что в номинации фрагмента действительности идиомой заключен как собственно логический, так и эмоциональный компонент значения – ФЕ объективирует некоторый фрагмент действительности, который становится её внутренней формой [10, с. 136], а также выражает коннотативные смыслы. Особенности функционирования в тексте фразеологических единиц обусловлены их сущностью. В семантической структуре идиом выделяется «зона объективно-субъективной модальности, которая состоит из трёх типов модальности: рационально-оценочная, деонтическая и эмотивная» [10, с. 154]. В сфере художественного дискурса реализуются не только собственно языковые оценочные, эмотивные, экспрессивные смыслы идиом: автор текста накладывает на этот комплекс смыслов свои собственные, он использует языковые ФЕ для выражения своего отношения к описываемому и происходящему. Отбор ФЕ в художественном тексте для раскрытия художественных образов интерпретируется как «речевой поступок, характеризующий, как таковой, того, кто этот поступок совершает, по его личностным (интерсубъектным), межличностным и социальным аспектам» [14, с. 30]. В результате фразеологическая репрезентация индивидуально-авторских концептов характеризует Н. В. Гоголя как речевую личность в совокупности его представлений, понятий, психологических характеристик, ценностных установок и т. д., сформировавшуюся в русле определённой лингвокультуры.

Поскольку объектом нашего анализа является творчество Н. В. Гоголя в целом, мы рассматриваем художественные концепты в рамках дискурсивного пространства его произведений. Дискурсивное пространство характеризуется идейной преемственностью, индивидуально-авторским стилистическим своеобразием и метафоричностью. По нашему мнению, необходимо выделить такие гоголевские художественные концепты, как «Русь», «Мертвые души», «Власть», «Бытовой разум». Наряду с ними необходимо выделить особые прецедентные концепты, прочно связанные в сознании носителей отечественной лингвокультуры с определённым текстом: «Манилов», «Собакевич», «Коробочка» и т. п. Пользуясь терминологией В. И. Красных, назовём такие концепты феноменологическими, поскольку они «формируют совокупность знаний и представлений о феноменах экстралингвистической и собственно лингвистической природы, т. е. об исторических событиях, реальных личностях, законах природы, произведениях искусства, в том числе и литературных, и т. д.» [13, с. 33]. Рассмотрим некоторые из них.

По выражению В. Беннигсена, «бытовой разум – первый друг... безумия» [4, с. 164]. Одна из особенностей гоголевского художественного мира – умение сочетать несочетаемое: писатель невозмутимо ставит в один ряд рациональное и иррациональное. Афера Чичикова с покупкой мёртвых душ вселяет в жителей города N суеверный страх, повседневные житейские

несчастья оказываются из ряда вон выходящими и доводят до сумасшествия Чарткова, Поприщина, Башмачкина, а события заведомо фантастические, напротив, воспринимаются довольно обыденно и не кажутся странными или вызывающими подозрений. Мотив безумия происходящего понижает, например, «Петербургские повести». Неудивительно, что у персонажей порой голова идёт кругом. Фразео-семантическая группа, описывающая умственные способности человека, в рассматриваемом дискурсивном пространстве представлена очень широко.

Е. Ф. Арсентьева, вслед за А. Д. Райхштейном, выделяет такой феномен фразеологии, как двойной антропоцентризм: с одной стороны, денотат ФЕ соотносим с человеческой деятельностью, а с другой – фразеологическое значение содержит коннотации, оценивающие эту деятельность [2, с. 4]. В этом отношении интересна фразео-семантическая группа ‘умственные способности’, моделирующая концепт «Бытовой разум».

В языке с понятием «голова» связываются такие сферы речемыслительной деятельности, как номинации человека по характеру и его умственным способностям, характеристика умственных способностей, внутреннее психическое состояние и переживания людей, – сферы, нуждающиеся в образной косвенно-производной вербализации. Строго говоря, понятия «голова» и «ум», «разум» находятся друг с другом в метонимических отношениях (перенос по смежности: «ум» как сущность – «голова» как источник и хранение ума, в довольно традиционном представлении носителей данной этнокультуры). Однако в процессе вторичного семиозиса происходят и другие виды переноса.

1. Фразеологическую когнитивную метафору ГОЛОВА – ВМЕСТИЛИЩЕ [см. 10, с. 394] актуализируют следующие ФЕ со значением возникновения в сознании определённых идей или мыслей: *взойти в голову, выйти из головы, приходит в голову, лезть в голову, сидеть гвоздём в голове*; их упорядоченного хранения, обеспечивающего последовательность и логичность (или нелогичность, хаос и беспорядок): *сообразить в голове, ералаши в голове*; а также наполнения этого вместилища новой информацией: *набраться разуму*. Ср.: *Я не понимаю, как я мог думать и воображать себе, что я титулярный советник. Как могла **взойти** мне **в голову** эта сумасбродная мысль?* [7, с. 384]; *Я было уже совсем хотел идти в департамент, но разные причины и размышления меня удержали. У меня все **не могли выйти из головы** испанские дела. Как же может это быть, чтобы донна сделалась королевою? Не позволят этого* [7, с. 384]; *Постигнутый стыдом и робостью, он остановился, потупив глаза; но как **утерять** это божество и не **узнать** даже той святыни, где оно опустилось гостить? Такие мысли **пришли в голову** молодому мечтателю, и он решил преследовать* [7, с. 284]; *А между тем мысли сами **лезут в голову**, одна другой приятнее* [7, с. 365]; *Какая-то **тёмная мысль, как гвоздь, сидела в голове его*** [7, с. 241]; *Чартков принялся за дело, усадил оригинал, **сообразил** несколько всё это **в голове*** [7, с. 327]; *Но старые коллежские секретари, титулярные и надворные советники идут скоро, потупивши голову: им не до того, чтобы заниматься рассматриванием прохожих; они еще не вполне оторвались от забот своих; **в их голове ералаши и целый архив начатых и неоконченных дел**; им долго вместо вывески показывается картонка с бумагами или полное лицо правителя канцелярии* [7, с. 281]; *А вот, лучше, я вас на той же неделе отправлю на Запорожье. Вот где наука так наука! Там вам школа; там только **наберетесь разуму*** [7, с. 155];

2. ФЕ, реализующие ФКМ ГОЛОВА – МЕХАНИЗМ – это ФЕ, подразумевающие активное осмысление действительности при помощи особо предназначенного для этого механизма, или инструмента, который можно испортить, сломать: *ломать голову*: *Он **ломал голову** и не мог придумать, как ему **избавиться от этого русского офицера*** [7, с. 297];

3. ФКМ УМ – ДОРОГА. ФЕ, семантически связанные с обозначением неразумного поступка, логически эксплицируют представление о разуме как о пути. Идя по правильному пути, можно достичь цели. С пути можно сбиться, свернуть. Также данные ФЕ связаны с выражением безумия, отсутствия разума – *доходить своим умом, сходить с ума, спятить с ума*. Ср.: *Хотя, конечно, он знал, что за Петровичем водилась **блажь заломить вдруг черт знает какую непомерную цену, так что уж, бывало, сама жена не могла удержаться, чтобы не вскрикнуть: «Что ты с ума **сходишь**, дурак такой!**»* [7, с. 355]; *Городничий. О, я знаю вас: вы если начнете говорить о сотворении мира, просто волосы дыбом поднимаются. Аммос Федорович. Да ведь сам собою **дошел, собственным умом*** [7, с. 419];

4. ФКМ УМ – ВОДА. ФЕ, которые структурированы метафорой, основанной на представлении об уме как о жидкости, как о воде, которая может быть ясной или мутной: *помутиться умом*. Ср.: ***Ум его помутился**: глуло, без цели, не видя ничего, не слыша, не чувствуя, бродил он весь день* [7, с. 291];

5. ФКМ ГОЛОВА – ГОСУДАРСТВО. Голова ассоциируется с государством, в котором порядок должен обеспечивать правитель. Метафорически царь в голове обозначает ум, разум, мысли, соображения. Отсюда обозначение недалёкого, глупого человека при помощи ФЕ *без царя в голове*. Ср.: *Хлестаков, молодой человек лет двадцати трех, тоненький, худенький; несколько приглуповат и, как говорят, без царя в голове...* [7, с. 416];

6. ФЕ *ветер в голове* <бродит>, выражающая характеристику легкомысленного, несерьёзного человека, заставляет задуматься о прототипической ситуации. Согласно рассмотренной выше ФКМ ГОЛОВА – ВМЕСТИЛИЩЕ, можно выделить метафорический ряд ВМЕСТИЛИЩЕ – ПУСТОТА – СКВОЗНЯК: *У тебя вечно какой-то сквозной ветер раздуливает в голове* [7, с. 455].

Обратим внимание, что особенностью метафор, репрезентирующих концепт «Бытовой разум», является то, что в качестве области-источника выступает конкретное понятие.

Как отмечает В. А. Кошелев, в гоголевском дискурсе коллективный образ чиновничества соотносится с таким признаком, как абсурд: окружающий мир по большей части не совпадает с желаниями людей, отсюда делается вывод, что он неразумен. Чтобы преодолеть эту неразумность, можно пойти по рациональному либо иррациональному пути. Гоголь всячески подчёркивает эту иррациональность и противоречивость, которая обуславливает «поиски новых, неожиданных связей между вещами и понятиями» [8, с. 3]. Таким образом, с концептом «Бытовой разум» тесно сопряжён ещё один ключевой концепт, возникающий в процессе рефлексии над гоголевским дискурсивным пространством – «Власть». Некоторые грани содержания указанного концепта актуальны до сих пор, поэтому голос Н. В. Гоголя звучит удивительно современно.

Смыслы, конституирующие содержание концепта «Власть», рождаются в ходе интерпретирования художественного текста и выражаются большим количеством экспрессивно-окрашенных ФЕ, совмещающих два типа информации – сведения о мире и об отношении автора к этому миру [15, с. 68]. Данный концепт, будучи сам по себе многослойным, представлен фразеологическими средствами очень разнообразно; эксплицированными оказываются как ядерные, так и периферийные смыслы концепта.

КФМ ВЛАСТЬ – ВЕРХ. В когнитивной картине мира данная ориентационная метафора закрепилась очень чётко. Общество, в котором формировалась русская лингвокультура, устроено иерархически, существует так называемая вертикаль власти, где каждый человек (в нашем случае речь пойдёт о чиновнике) занимает строго определённое место. В качестве компонента выделенной ФЕ присутствует лексема «птица», что расширяет фразеологический образ: если ты летаешь выше, чем другие, получаешь при этом в своё распоряжение больше пространства, воздуха и света, значит, у тебя больше умений и способностей, значит, ты лучше других и имеешь право смотреть свысока. Ср.: *Какие мы с тобой теперь птицы сделали! а, Анна Андреевна? Высокого полёта, чёрт побери!* [7, с. 458].

С представлением об определённой планке, об уровне, которому должно соответствовать, связана ФЕ *не уронить себя*. Ср.: *Приезжий гость и тут не уронил себя: он сказал какой-то комплимент, весьма приличный для человека средних лет, имеющего чин не слишком большой и не слишком малый* [7, с. 507].

Приняв во внимание вышеуказанную КМ РАЗУМ – ВЕРХ и решив несложную пропорцию, получаем ВЛАСТЬ = РАЗУМ. Перейдя из собственно языковой сферы в дискурсивную, обнаруживаем противоречие, ср.: *Я вот уж пятнадцать лет сижу на судейском стуле, а как загляну в докладную записку – а! только рукой махну* [7, с. 423]; *Во-первых: городничий – глуп, как сивый мерин* [7, с. 463]; *Вот и седой человек, а до сих пор не набрался ума* [7, с. 587].

Прототипическая ситуация, подвергающаяся метафоризации, открывает нам логическую схему для проникновения в подтекст. Таким образом, Гоголь пошатнул представление о представителях власти как о достойных, мудрых, способных справляться с возложенными на них обязанностями, и показал, что избыток хитрости мешает их здравому восприятию действительности: *Мошенников над мошенниками обманывал, пройдох и плутов таких, что весь свет готовы обворовать, поддевал на уду* (ФКМ ЧЕЛОВЕК – ДОБЫЧА) [7, с. 465]; *И сколько раз уже наведенные нисходившим с небес смыслом, они и тут умели отшатнуться и сбиться в сторону, умели среди бела дня попасть вновь в непроходимые захолустья, умели напустить вновь слепой туман друг другу в очи и, влачась вслед за болотными огнями, умели-таки добраться до пропасти, чтобы потом с ужасом спросить друг друга: где выход, где дорога?* [7, с. 627] (ФКМ ОБМАН – ТУМАН).

КФМ ВЛАСТЬ – НЕЧТО ТЯЖЁЛОЕ. Данная синестетическая метафора в языковом плане может разворачиваться в двух направлениях: а) понятие власти предполагает влияние, значительный вес в обществе, а представителем власти является значительное лицо; б) власть накладывает на её носителя определённую ответственность, ср.: *бремя власти*. В нашем случае в тексте реализуется первое: *Чичиков тотчас увидел, что чиновники были просто любопытны, подобно всем молодым чиновникам, и хотели придать более весу и значения своим занятиям* [7, с. 584].

Помимо собственно КМ, идиоматические средства в структуре концепта «Власть» группирует и метонимический перенос: ВЛАСТЬ – ФУНКЦИЯ (каратель). В данном случае область-источник развивает целую систему более узких синестетических ФКМ, ставших основой для ярко-экспрессивных ФЕ: *Теперь же я задам перцу всем этим охотникам подавать просьбы и доносы* [7, с. 457] (НАКАЗАНИЕ – ГОРЬКОЕ); *Нужно разве, чтобы они вечно были пред глазами Чичикова и чтоб он держал их в ежовых рукавицах...* [7, с. 592] (НАКАЗАНИЕ – КОЛЮЧЕЕ); *Да сказать Держиморде, чтобы не слишком давал воли кулакам своим; он, для порядка, всем ставит фонари под глазами – и правому и виноватому* [7, с. 425] (УДАР – СВЕТ); *...Не посмотрел бы на то, что ты чиновник, а, поднявши рубашонку, таких бы засыпал тебе, что дня б четыре ты почёсывался* [7, с. 426] (НАКАЗАНИЕ – НЕЧТО СЫПУЧЕЕ).

Идиоматические средства эксплицируют ядерные смыслы ряда прецедентных художественных концептов. Художественный образ, созданный писателем, составляет один из концептуальных слоёв. Образ с одной стороны и лексема, ассоциативный и эмоционально-оценочный компоненты с другой стороны соотносятся друг с другом у реципиента в процессе получения собственного наглядно-чувственного опыта и опыта рефлексии над текстом. На основе переоценки переживаний и впечатлений образ конструируется в сознании читателя [12, с. 63]. Нужно сказать, что ФКМ является не единственным инструментом для развёртывания образного компонента подобных концептов. Так, в основе некоторых из них лежит метонимия как структурирующая семантическое ядро логическая операция.

Например, Манилов – персонаж «галереи помещиков» из поэмы «Мёртвые души». С точки зрения языковой семантики, это имя нам ничего не скажет, разве что можно попытаться вскрыть внутреннюю форму слова по ассоциации с глаголом «манить», «заманить». В сознании русскоговорящих в ядре концепта закрепилось представление о беспочвенном бездейтельном мечтателе, который старается быть приятным в общении, разговаривает о возвышенных вещах, но не доводит дело до конца. Феномен «маниловщины» объясняет метонимия ЧЕЛОВЕК – КАЧЕСТВО (в данном случае отсутствие чётких качеств). Благодаря идиоматике центральный смысл данного прецедентного концепта – ‘человек без определённой жизненной позиции, нечто невразумительное’, – сконцентрирован в одном фрагменте текста, где присутствуют сразу три ФЕ: *Есть род людей, известных под именем: люди так себе, ни то ни сё, ни в городе Богдан ни в селе Селифан. ...скажешь: «Чёрт знает что такое!» – и отойдёшь подальше* [7, с. 512].

Ноздрёв – ещё один образ «галереи помещиков». Ядерные концептуальные характеристики: лгун, игрок, хам, безудержный, напористый, нахрапистый, вспыльчивый, азартный. В его адрес дважды использована ФЕ *лить пули*, причём один раз эта характеристика принадлежит словам автора, второй – самому Ноздрёву, который, оказывается, прекрасно понимает, что завирается, что может просто так оклеветать приятеля, но остановиться не может, ср.: *И наврет совершенно без всякой нужды: вдруг расскажет, что у него была лошадь какой-нибудь голубой или розовой шерсти, и тому подобную чепуху, так что слушающие наконец все отходят, произнесиши: «Ну, брат, ты, кажется, уже начал пули лить»* [7, с. 541]; *Ах, да! я ведь тебе должен сказать, что в городе все против тебя; они думают, что ты делаешь фальшивые бумажки, пристали ко мне, да я за тебя горой, наговорил им, что с тобой учился и отца знал; ну и, уж нечего говорить, сил им пулю порядочно* [7, с. 627].

В основе возникновения данной ФЕ, с одной стороны, лежит метонимический перенос ДЕЙСТВИЕ – СОПРОВОЖДАЮЩЕЕ ДЕЙСТВИЕ: ФЕ «появляется в XIX в. на основе оборота лить колокола. Выражение лить колокола связано с суеверным обычаем, распространённым на Руси в XIV веке, распускать при отливке колокола различные слухи, небылицы» [5, с. 478]. Якобы чем наглее ложь, чем неожиданнее небылицы и слухи, тем звонче будет голос колокола. С другой стороны, на этот образ наслаивается метафора РЕЧЬ – РЕКА: «глагол лить развивает в славянских языках устойчивую ассоциацию с ложью на основе исходного семантического признака ‘заставлять течь, литься’». Ассоциация потока речи с текущей жидкостью чрезвычайно распространена. Развитие фразеологизма следует рассматривать как «наращение» глагола лить в значении «лгать, обманывать» [5, с. 478].

Вопрос об индивидуально-авторском и универсальном встаёт не только при рассмотрении идиоматических средств как важной характеристики стиля автора, но и при попытке перевода художественного текста на другой язык. В нашем случае это неблизкородственный английский. При анализе межъязыковых соответствий непрямой номинации методически целесообразно сопоставить ФКМ, лежащие в основе той или иной образной единицы. Рассмотрим некоторые межъязыковые соответствия в зоне фразеологической когнитивной метафоры.

Так, базовая ФКМ ГОЛОВА – ВМЕСТИЛИЩЕ (HEAD – STORE) подтверждается переводными контекстами, в которых функционируют следующие ФЕ: *come to one's head, flock to one's head, get out of one's head*. Ср.: *Such were the thoughts that **flocked to our dreamer's head*** [16, с. 121]; *I simply cannot **get this Spanish business out of my head*** [16, с. 270]; *The thoughts **come to his head** of their own will, each one more pleasing than the last* [16, с. 253].

Однако в этой же фразео-семантической группе происходит перегруппировка ФЕ на основе замены базовой КМ:

1) на месте ведущей онтологической ФКМ HEAD – STORE возникает синестетическое представление MIND – HARD и оппозиция фразеологических компонентов HARD – SOFT: *What's the matter with you, man, **have you gone soft in the head?*** [16, с. 256];

2) онтологическая ФКМ ГОЛОВА – ГОСУДАРСТВО передаётся через контаминацию ориентационной метафоры HEAD – TOP и ФКМ SILLY – WEAK, ср.: *без царя в голове – **a bit weak in the top storey*** [16, с. 314];

3) ФКМ ГОЛОВА – ПУСТОТА никак не определяется в переводном тексте. Вместо неё переводчиком использована экспрессивная метафора SILLY – FEATHER и SILLY – NIT: *You never know anything, that's your trouble, **featherbrained nit-wit!*** [16, с. 378].

Оппозиция ВЕРХ – НИЗ характерна и для английского языка [9, с. 396], причём ВЕРХ оценивается как нечто хорошее, полезное, приносящее прибыль, а НИЗ – плохое, бесполезное. Так, в английском тексте по тому же принципу, что и в русском, работают ФКМ POWER – HIGH и POWER – WEIGHT: *Anna Andreyevna, **we're birds of a quite a different feather** now, eh? **Flying high** we are now, damn it all!* [16, с. 382]; *Chichikov could see at once that the officials were merely inquisitive, like all young officials, and that they wished to **attach greater importance and weight** to themselves and their actions* [17, с. 142].

Выделенные нами ранее синестетические метафоры, структурирующие слой концепта «Власть», связанный с метафорой НАКАЗАНИЕ, в переводном тексте опираются на иной когнитивный признак: *I'm going **to make it sticky** for those toads, those snakes in the grass with their petitioning and informing* (НАКАЗАНИЕ – НЕЧТО ЛИПКОЕ) [16, с. 382]; *The only way is for Chichikov to keep a sharp eye on them constantly and **to rule them with a rod of iron*** (НАКАЗАНИЕ – ЖЕЛЕЗО) [17, с. 156]; *His being a civil servant won't cut no ice with the guvnor: it'll be up with his shirt-tails and he's **get such a tanning** he's be smarting for days* (НАКАЗАНИЕ – ДУБЛЕНИЕ) [17, с. 331].

Как было неоднократно отмечено, репрезентация идиоматическими средствами любой картины мира (языковой либо концептуальной) носит фрагментарный характер. Несмотря на это, ФЕ являются очень важным средством вербализации художественных концептов, поскольку представляют собой неотъемлемую особенность идиостиля Н. В. Гоголя.

Бесспорно, метафорические средства языка, функционируя в дискурсивном пространстве художественного текста, формируют имплицитные смыслы. «Особая роль в этом принадлежит ключевым метафорам, задающим аналогии и ассоциации между разными системами понятий и порождающими более частные метафоры» [3, с. 14]. Кроме того, через анализ межъязыковых метафорических соответствий из неблизкородственных языков можно выделить как универсальные когнитивные метафоры, сходным образом структурирующие общий пласт действительности, так и уникальные, иначе категоризирующие её фрагменты. Особенно сложными для перевода художественного текста оказываются когнитивные метафоры второго типа.

Список литературы

1. Алефиренко Н. Ф. Поэтическая энергия слова. Синергетика языка, сознания и культуры. – М.: Academia, 2002. – 394 с.
2. Арсентьева Е. Ф. Сопоставительный анализ фразеологических единиц. – Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1989. – 128 с.
3. Арутюнова Н. Д. Метафора и дискурс // Теория метафоры. – М.: Прогресс, 1990. – С. 5 – 32.
4. Бенишсен В. Гоголь: реальность воображения // Знамя. – 2009. – №4. – С. 163 – 177.
5. Бирих А. К. Мокшенок В. М., Степанова Л. И. Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник. – СПб: Фолио-Пресс, 1999. – 704 с.

6. Виноградов В. В. Язык Гоголя // Виноградов В. В. Язык и стиль русских писателей. От Карамзина до Гоголя: Избранные труды. – АН СССР. Отд-ние лит. и яз. – М.: Наука, 1990. – С. 271 – 330.
7. Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений в одном томе. – М.: Издательство АЛЬФА-КНИГА, 2009. – 1231 с.
8. Кошелев В. А. «Понимать не понимаю, а отвечать могу»: образ русского чиновника у Н. В. Гоголя и писателей «гоголевского направления» // Литература в школе. – 2009. – №2 – С. 2 – 15.
9. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем // Теория метафоры. – М.: Прогресс, 1990. – С. 387 – 415.
10. Латина О. В. Идиомы и экспрессивная функция языка // Человеческий фактор в языке. Языковые механизмы экспрессивности. – М.: Наука, 1991. – С. 136 – 156.
11. Москвин В. П. Русская метафора: Очерк семиотической теории. – М.: Издательство ЛКИ, 2012. – 200 с.
12. Никитин М. В. Курс лингвистической семантики. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2007. – 819 с.
13. Попова З. Д. Когнитивная лингвистика. – М.: АСТ: Восток – Запад, 2007. – 314 с.
14. Телия В. Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. – М.: Наука, 1986. – 143 с.
15. Язык и личность. – М.: Наука, 1989. – 216 с.
16. Gogol N. A Selection. – М.: Progress Publishers, 1980. – 396 p.
17. Gogol N. V. Dead souls. A poem / Translated and Edited by Christopher English / Introduction by Robert Maguire. – Oxford University Press, 2009. – 450 p.

THE ROLE OF PHRASEOLOGICAL COGNITIVE METAPHOR IN FORMING LITERARY TEXT CONCEPTS

K. Stebunova

*Belgorod National
Research University*

*e-mail:
stebunova@bsu.edu.ru*

The paper attempts to analyze idiomatic resources of literary text through the prism of cognitive metaphor which is verbal and cogitative basis of idioms (phraseological cognitive metaphor). The structure of literary text concepts is considered as the result of explication of phraseological cognitive metaphor in the discourse area. The translation peculiarities of phraseological cognitive metaphor are noted.

Keywords: phraseology, phraseological cognitive metaphor, literary text concept.